

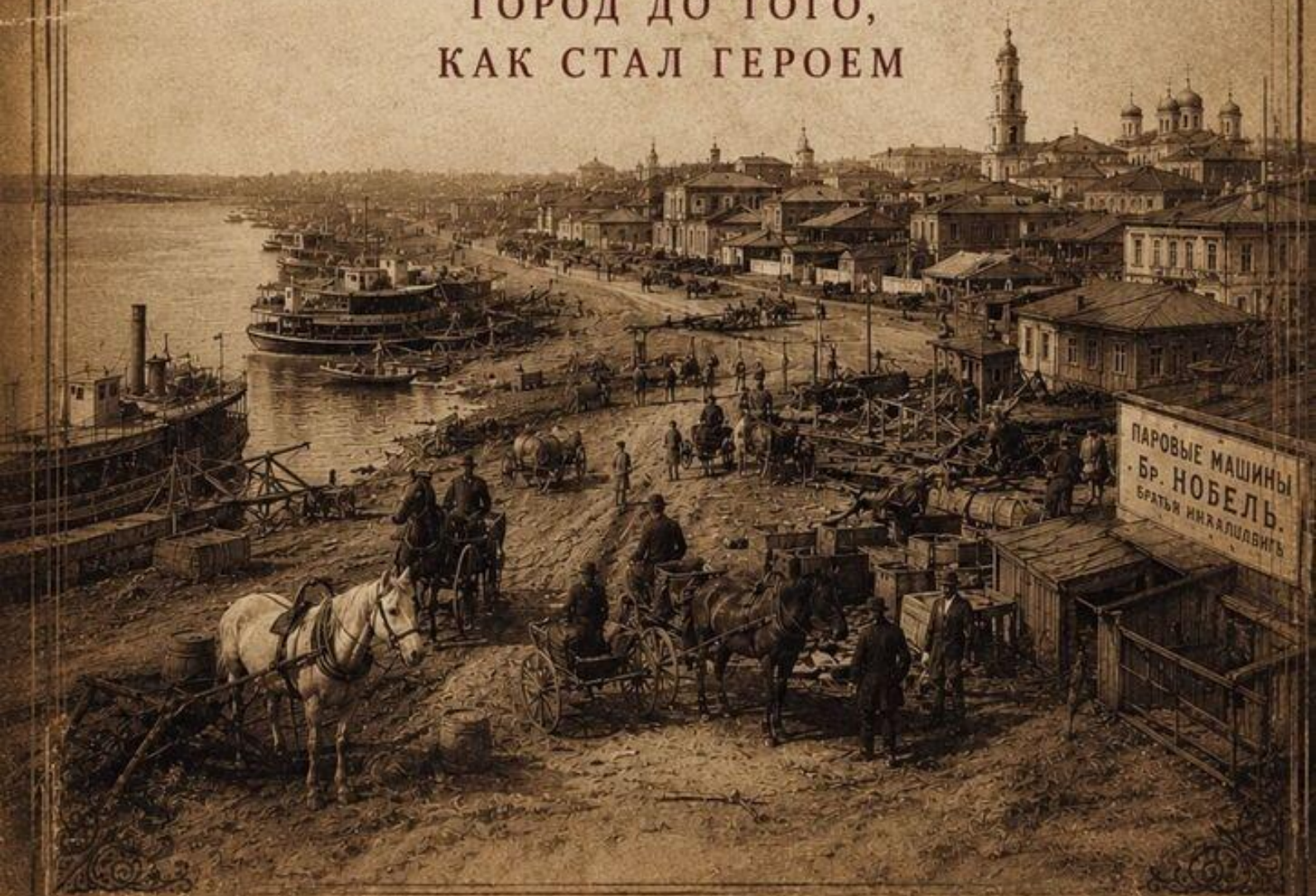
12+

ЕЛИЗАВЕТА ГАЛКИНА

РОМАНТИКА РУИН

ХРОНИКИ ЦАРИЦЫНА

ГОРОД ДО ТОГО,
КАК СТАЛ ГЕРОЕМ

Елизавета Галкина

**Романтика руин:
хроники Царицына**

«Издательские решения»

Галкина Е.

Романтика руин: хроники Царицына / Е. Галкина —
«Издательские решения»,

Это книга о городе, который мы знаем только как героя. Но до войны он был Царицыном. Грязным, шумным, живым. Здесь пахло не порохом, а рыбой, мазутом и полынью. Здесь торговали солью и нефтью, строили заводы и взрывали храмы, немцы-гернгутеры возводили свой европейский рай, а через полтора века их депортировали в товарных вагонах. Город тонул, горел, исчезал под водой и бетоном — и каждый раз воскресал.

© Галкина Е.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Город под бетоном	6
ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЯ ДО ГОРОДА	7
ЧАСТЬ II. РОЖДЕНИЕ ФОРПОСТА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Романтика руин: хроники Царицына

Елизавета Галкина

Редактор Ирина Сорокина

© Елизавета Галкина, 2026

ISBN 978-5-0070-8871-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Город под бетоном

Волгоград привычно встречает нас застывшим взглядом Родины- матери — женщины, вросшей в небо. Это город-памятник, вырубленный из известняка и боли. Но достаточно съехать с Мамаева кургана в сырую пойму Царицы или, зажмурившись от пыли, доехать на электричке до южных окраин, как от этой гранитной тоски не остаётся и следа. Воздух становится другим: тяжёлым, маслянистым. Здесь пахнет не порохом и не героической хроникой — здесь пахнет рыбой, мазутом и сухой степной пылью.

Мы привыкли думать, что город начинается с военной хроники. Но он начинается с геологии. Со льда, отступившего десять тысяч лет назад. С костей мамонтов, которые крестьяне находили при вспашке огородов ещё в XIX веке. С сарматских курганов, торчащих над Царицей как груды спящего времени. Эта книга — археология памяти. Мы снимаем слои сталинского бетона, чтобы нащупать под ними древесину XVII века и кирпичную кладку века XIX. Город не родился по приказу контрнаступления. Он вырос из грязи волока, купеческой жадности, царского своенравия и немецкой педантичности. Летопись Сталинграда — это кровь. Летопись Царицына — это пот, грязь и нефть. Чтобы осознать, как мы уцелели в 1942-м, мы обязаны прочувствовать ту боль и ту тяготу, с какой этот город выковывался три столетия до того.

ЧАСТЬ I. ЗЕМЛЯ ДО ГОРОДА

Хвалынское море: геология как решение судьбы

В XVI столетии земли между Казанью и Астраханью на русских картах зияли пустотой — их называли «демографической ямой». И геология здесь сказала своё решающее слово: Нижняя Волга была не чем иным, как отмелью древнего Хвалынского моря. Вода отступила, оставив после себя меловые отложения, глинистые пласты и выходы солончаков. Пахота здесь была почти бессмысленной. А. Н. Минх в своём словаре 1877 года замечал: «Чернозём попадается редко, трава — только ковыль да полынь» [16]. Для крестьянина, привыкшего к лесным угодиям, эта земля выглядела приговором.

Но люди здесь жили задолго до русских острогов. Сарматы насыпали курганы на высоких берегах, хазары держали здесь форпосты торговли, волжские булгары переправляли меха и медь. Их следы — обломки керамики, бронзовые пряжки, кости коней — всплывают при каждой стройке. Они не оставили летописей, и земля хранит их молчаливо, как хранит слои перегноя.

Город поднялся не на пашне — на торговле. Судьбу Царицына решила Переволока: кратчайший сухопутный волок между Доном и Волгой, всего семьдесят вёрст (75 км). Уже в X веке здесь перетаскивали ладьи руссы, в XIII — монгольские тумены. Обходной путь по воде занимал недели — волок выигрывал их в считанные дни. К моменту, когда на берегу появился русский острог, Переволока стала главной артерией контрабанды: шёлк, соль, оружие, рабы — всё это перегружали на телеги и пускали напрямую, минуя таможи. Осколки золотоордынского Бельджамена близ нынешней Дубовки, сожжённого Тамерланом в конце XIV века, до сих пор торчат из земли — предупреждение о том, как зыбка жизнь в степи.

Бельджамен — город, не переживший разрушение

До того как князь Засекин врубил первые брёвна в здешнюю глину, на этом месте уже стоял город. В летописях его называли Бельджаменом или Бездежем — золотоордынским сторожем над волоком. Ряд исследователей локализует его на месте будущего Царицына, однако точное местоположение города до сих пор остаётся предметом научных споров. Археологические экспедиции обнаружили остатки мавзолеев и ремесленных мастерских, но городская инфраструктура находилась на уровне эпохи: ни водопровода, ни керамических труб здесь быть не могло технологически. Золотоордынские города XIV века опирались на колодцы и арыки; сложная подземная инженерия в условиях постоянных половодий и подвижных грунтов Заволжья себя не оправдывала. Достоверно одно: в окрестностях были поселения — но кто и когда их заложил, остаётся загадкой.

Бельджамен пал не от запустения. Его размёл Тамерлан под конец XIV века. Город исчез мгновенно: мечеть затянуло травой, мастерские засыпало песком. В 1589 году Засекин причалил к берегу, увидел груду обломков и не придавал им значения. Это русская манера: строить на чужих костях, не замечая, что здесь уже дышали, любили и умирали. Бельджамен — неразгаданное предупреждение: степь всегда взыскивает своё.

Дикое поле — карта пустоты, насыщенная кровью

В московских приказах XVI века земли между Казанью и Астраханью называли Диким полем. На чертежах оно белело пустотой, но территория имела сложный социально-демографический характер: здесь бродили ногайцы, рыскали татарские отряды, здесь вольным ветром

гуляли казаки — сподвижники Ермака и атаманы Разина. Они не строили городов, их домом были кибитка и струг, а промыслом — грабёж. Переволока манила их, как мёд мух.

Шёлковый путь из Персии в Москву тянулся через Астрахань и вверх по Волге. Но можно было срезать: выгрузить товар в устье Дона, перетащить через семьдесят вёрст и снова спустить на воду. Выигрыш во времени — целый месяц. Плата — риск быть ограбленным или убитым. Москва знала об этой тропе. И когда в 1556 году Астрахань пала, Иван Грозный задумал поставить на волоке стражу. Но смерть царя, Смута и борьба за престол отложили замысел на тридцать лет. За эти годы выросло поколение, для которого закон был пустым звуком, а сила — единственной валютой.

Переволока — ворота в империю

Семьдесят километров от Волги до Дона — сегодня час на автомобиле. В XVI веке — неделя пути. Переволока была не просто тропой, а сложной инфраструктурой: телеги, быки, проводники, колодцы, постоянные дворы, кузницы, кабаки — всё это работало вразнос, без царских пошлин. И приносило баснословные прибыли. Шёлк, жемчуг, эльтонская соль, крымские рабы — всё это переваливало через гребень водораздела. Платили не государю — платили атаманам и мурзам. Московская казна не получала ни гроша.

Когда в 1589 году Засекин заложил Царицын [14], его задача была сугубо государственной: взять под контроль главную артерию Дикого поля. Речь шла не о борьбе с современным понятием «контрабанды», а об установлении монополии на перевоз товаров через Переволоку и пресечении ногайских набегов. Если купцы отказывались платить государеву пошлину или степняки пытались обойти форт стороной — пушки должны были принудить их к закону силой. Царицын 1589 года — не памятник доблести. Это таможенный пост с артиллерией, возведённый в самом центре воровского гнезда. География формировала характер: родился на этом глинистом утёсе — выбирай: либо стражник, либо разбойник. Третьего не дано.

Туман над Царицей

Река Царица — приток Волги с юга, неширокий, но быстрый. Длина реки — около 60 км, она впадает в Волгу в черте города. Большинство краеведов выводят её название из тюркского «Сары-Су» — «Жёлтая вода». Веками её облик почти не менялся: весной она разливалась широко, оставляя за собой болота и тучи комаров; летом мелела, обнажая песчаные косы; зимой вставала подо льдом.

Но главная её примета — туман. Влажный воздух речной долины, сталкиваясь с сухим степным дыханием, рождает плотную белую пелену, которая скрывала берега и русло. Для рыбаков это было привычно: они выходили на лов до рассвета, когда осётр шёл на нерест, скользя на лёгких лодках-однодеревках, толкаясь длинными шестами. Такую же картину видели и первые стрельцы Засекина. Просыпаясь в своих землянках, они упирались взглядом в плотную молочную завесу. За ней могла быть река. Мог быть враг. Могла быть пустота. Туман был их защитой от чужих глаз, но одновременно держал в постоянном напряжении.

Из фондов Государственного архива Волгоградской области

ЧАСТЬ II. РОЖДЕНИЕ ФОРПОСТА

Земля, определившая судьбу города

2 июля 1589 года по старому стилю (12 июля по новому стилю) к берегу прибило много брёвен и щепы. В этот день на остров ступил отряд воеводы князя Григория Засекина — в разрядных книгах он значился как «Зубок» — а с ним Роман Алферьев и Иван Нащокин. Засекин уже имел за плечами опыт: в 1586-м он основал Самару. Он знал, что такое южный рубеж. Здесь не на кого положиться, кроме себя.

Природные условия здесь были сложными. Зимой — ветер, пронизывающий до костей. Летом — жара под сорок градусов и ни одного дерева, чтобы укрыться, что создавало дополнительные трудности для первых поселенцев. Земледелие было рискованным занятием: вегетационный период долгий, почти полгода, но урожай редко кормил гарнизон. Первая зимовка стала мясорубкой: болезни убивали вернее сабель. Цинга от нехватки свежего мяса, дизентерия от гнилой воды, лихорадки, которые разносили комары. В челобитных, сохранившихся в разрядных книгах, стрельцы жалуются на задержки жалованья, пустые амбары, высокую смертность. Служба в Царицыне считалась ссылкой — сюда ссылали провинившихся. Именно эта безжалостная среда, ежедневная борьба за глоток воды и кусок хлеба вылепили характер первых поселенцев: жёсткий, независимый, настороженный.

Острог Засекина: первая крепость на Волге

Первый Царицынский острог родился в спешке. Стены — «тарасы», срубы, набитые землёй, — ставили за несколько дней. Поверху шёл частокол из дубовых кольев. Внутри — полуземлянки с низкими потолками, в которых взрослому человеку нельзя было встать в полный рост. Сыро, темно, холодно. Место выбрали грамотно: со стороны Волги — крутой обрыв, с суши — ров, который весной наполнялся водой и становился непроходимым болотом для конницы.

Вооружение было скудным: на сотню стрельцов — несколько пищалей, бердыши и сабли. Порох привозили из Казани редко, раз в год, и каждый заряд берегли как зеницу ока. Известия из Москвы шли неделями. Каждую ночь ждали нападения. Набеги случались не каждый день, но чувство опасности въедалось в кожу.

В Смутное время Царицын оказался в водовороте. В 1606 году часть стрельцов воеводы Тургенева переметнулась к Болотникову, уведя с собой оружие и порох. Острог показал свою двойную природу: он мог быть и щитом от степи, и искрой внутреннего пожара. Между 1608 и 1610 годами здесь орудовал атаман Илья Горчаков. Стрельцы, уставшие от невыплат и произвола, с готовностью слушали тех, кто сулил волю и хлеб.

Царицын в годы Смутного времени

1607—1614 годы — самое лихое время для раннего Царицына. Центральная власть ослабла, и город зажил собственной жизнью — по сути, превратившись в вольницу. Именно сюда пришёл Иван Заруцкий с Мариной Мнишек, вдовой Лжедмитрия I. Местных жителей мало волновали политические распри — они держались за тех, кто мог накормить, заплатить и защитить. Весной 1608 года Заруцкий расплатился за припасы и переправил войско через Волгу. Царицын стал тыловой базой для похода на Астрахань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.